
Михаил САВЕЛИЧЕВ

РЕСПУБЛИКА ЗЕМЩАРА

Альтернативно-историческое повествование в отмеренных сроках

Будущие события уже бросают тень на настоящее...
А. Богданов. Красная звезда

УЗЕЛ I. КАНУНЫ

Малиновский. Императорский институт крови

25 октября 1929 года, 00:00

Алексею Николаевичу казалось, что ассистент профессора Малиновского носит искусно сделанную маску, ибо лицо его, хоть и не лишённое приятности, оставалось невозмутимым и неподвижным на всем протяжении сеанса трансфузии. Каждый раз Алексей Николаевич хотел сказать об этом Александру Александровичу, но почему-то смущался под взглядом темных глаз ассистента, которого профессор неизменно называл инженером Мэнни. Без имени, без отчества.

— Церковь? — тем временем переспросил Александр Александрович, продолжая возиться со сложной системой стеклянных и металлических трубок. — Я знаю, она неодобрительно относится к тому, чем занимается институт. И неоднократно имел беседы кое с кем из иерархов, когда создавал донорские пункты в Петрограде и по всем крупным губернским городам... Но я — материалист и прагматик, для меня есть только один критерий: работает — не работает. Вы не будете возражать, что процедуры благотворно сказываются на вашем здоровье?

Манера Малиновского обращаться к нему, избегая положенных этикетом оборотов «Ваше Величество» или «Государь», забавляла Алексея Николаевича. Что поделать — старая закалка человека, посвятившего изрядную часть жизни борьбе с самодержавием.

— Нет, не буду, профессор, — Алексей Николаевич пошевелился в неудобном, жестком кресле, к которому был пристегнут широкими ремнями, чтобы лежащие на подлокотниках руки сохраняли неподвижность. К сгибам локтей тянулись гибкие трубки, а над креслом нависал механизм, словно сошедший с супрематических полотен Кандинского. — И даже обнаруживаю кое-какие побочные эффекты...

Малиновский выпрямился и внимательно посмотрел на Алексея Николаевича.

Михаил Валерьевич Савеличев родился в 1969 году в Казани. Окончил Казанский государственный университет по специальностям «астрономия» и «экономика». Кандидат экономических наук. Пишет с 1995 года. Автор повестей «Возлюби дальнего», «Бродячая труппа Гран-Гиньоль», романов «Иероглиф», «Черный ферзь» и «Красный космос». Удостоен премии «Созвездие Малой Медведицы» за роман «Крик родившихся завтра» (М.: Снежный Ком). Также роман вошел в финал премии «Новые горизонты».

— Что вы имеете в виду? — В голосе прорезалась озабоченность. Впрочем, ассистент все так же с невозмутимой маской продолжал регулировать аппарат переливания крови.

— Ничего серьезного, — попытался качнуть головой Алексей Николаевич, забыв на мгновение, что и она фиксирована металлическим обручем с мягкой подкладкой. — Но мне неотступно кажется, будто время замедляется. словно в сутках прибавилось несколько часов, а в каждом часе — десяток минут. И раз за разом прибавление заметнее и заметнее...

— О, ничего удивительного, — с видимым облегчением вздохнул Александр Александрович. — Эффект общего оздоровления вашего организма. За годы страдания от гемофилии вы не могли знать — каково это быть полным здоровьем и сил.

— Да, наверное, — Алексей Николаевич прикрыл глаза, припоминая времена, когда страшный наследственный недуг изнурял тело. Он был всего лишь ребенком, но словно тяжкий груз возлежал на его плечах, и никакая медицина не могла облегчить страданий... Разве что рукоположения старца... Когда ладони, жилистые, крестьянские, опускались на голову наследника и Распутин начинал что-то пришептывать, будто молясь, Алеша действительно ощущал некоторое облегчение... И Мама ужасно радовалась, замечая на щеках ее Бэби бледные пятна румянца... Но старца убили... — А еще я почти перестал спать, — добавил Алексей Николаевич, — отвлекая себя от печальных воспоминаний.

— Бессонница?

— Нет, не бессонница... Не испытываю потребности... Это даже к лучшему, — Алексей Николаевич улыбнулся. — Особенно сейчас, когда наши отношения с Европой осложняются, правительство требует все новых ассигнований, а Дума... — Алексей Николаевич с некоторым трудом заставил себя замолчать, в очередной раз замечая, как во время регулярных встреч с Малиновским позволяет себе излишнюю... откровенность, что ли? Или это тоже побочный эффект трансфузии? Не случайно говорят: с кровью человеку передаются тонкие вибрации донора, устанавливается своего рода психическая связь.

Профессор уловил запинку Государя, но истолковал по-своему:

— Я не так далек от подобных событий, Алексей Николаевич, и продолжаю интересоваться всем, что происходит в политике. Идеал ученого, запертого в башне из слоновой кости, всего лишь... — тут и сам Малиновский помедлил, и Алексей Николаевич продолжил его мысль:

— Буржуазный идеал? Маркс писал иное? Право, Александр Александрович, с момента образования Европейского Союза Советских Республик марксизм стал не только их официальным учением, но обрел респектабельность во всем мире. Я читал Маркса и его сподвижника Энгельса. А даже кое-что из того, что публикует господин Ленин... Вы ведь его знаете? Он и его партия социал-демократов называют себя этим странным словом... — Алексей Николаевич сделал вид, будто запомнил, хотя перед приездом в институт прочитал подробную аналитическую разработку, положенную ему на стол начальником ГРУ Генштаба.

— Большевики, — сказал Александр Александрович и, помолчав, добавил: — Я тоже входил в ее Центральный комитет. Но мы разошлись во взглядах с Владимиром Ильичом, и я счел занятия наукой кратчайшим и наименее мучительным средством преобразования России.

Инженер Мэнни тем временем отошел к прозрачным баллонам, в которых багровела субстанция специально приготовленной крови, и Государь еще раз поймал себя на зябком чувстве: от движений ассистента профессора веет нездешностью, словно тело не принадлежало ему, являлось костюмом, к тому же пошитым не по

меркам его истинной фигуры. Ощущение усугубляли непропорционально крупная голова и чересчур узкие плечи Мэнни.

Рука инженера опустилась на баллон, и Алексей Николаевич готов был поклясться: багровая субстанция шевельнулась, а в ее толще вспыхнули и погасли крохотные огоньки.

Тем временем Александр Александрович продолжал:

— Пожалуй, я даже благодарен бывшим товарищам по партии за то расхождение во взглядах, которое вернуло меня к научным изысканиям. Наука — вот в чем остро нуждается Россия. Европейские республики проповедуют установление диктатуры пролетариата в мировом масштабе, а я бы выдвинул контрлозунг: «Ученые всех стран, объединяйтесь!» Хотя не факт, что лучшие умы Германии, Франции выберут местом своей работы Россию. Мы слишком отстаем в промышленном развитии от других держав и не можем обеспечить лучшие условия для внедрения научных достижений. Но не устану повторять: на пути прямого заимствования научных и индустриальных достижений Европы мы уподобимся быстроному Ахиллу, который никогда не догонит черепаху. Тот, кто заимствует, обречен на отставание. Необходим другой путь...

— Новая экономическая политика премьер-министра Бухарина зарекомендовала себя как весьма эффективная, особенно в деле улучшения условий жизни крестьянства и рабочих, — несколько суше, чем требовалось, ответил Алексей Николаевич. — За годы после Октябрьской революции удалось многое...

Да, удалось многое. Очистить власть, умерить аппетиты и притязания высших слоев общества, чьи непомерные требования, алчность и жадность привели к катастрофе Февраля семнадцатого, и не случись Октября, кто знает, что стало бы с Россией? В результате ситуация в народном хозяйстве ничем не напоминает послевоенную разруху. Экономическая политика правительства, или, как именует ее премьер Николай Иванович Бухарин, — нэп, дала крестьянству новое дыхание, продолжив те реформы, начало которым положил Столыпин. Да и жизнь рабочих не сравнить с той, которую они имели до Славной революции. Хотя что скрывать? Не без влияния происходящего в ЕССР с его так называемой «диктатурой пролетариата». Не будь столь отрезвляющего примера, разве согласились бы заводчики и фабриканты на восьмичасовой рабочий день, строительство жилья и больниц для фабричных? Но профессор Малиновский прав, прав. Россия отставала от Европы в промышленном развитии, и подобное отставание становилось нетерпимым.

— Вот и все на сегодня, — сказал Александр Александрович, извлекая иглы из сгибов локтей Алексея Николаевича, протирая ваткой вживленные в кожу крошечные серебряные кольца, через которые и совершались процедуры трансфузии.

Государь, освободившись с помощью Мэнни от ремней и головного фиксатора, сделал несколько круговых движений, разминая шею, и посмотрел на часы, в очередной раз поразившись сколь же малое время прошло с тех пор, как он приехал в институт. Впрочем, это даже хорошо.

День 25 октября года 1929-го, от Славной Октябрьской революции двенадцатого, обещал стать весьма насыщенным.

Ленин. Шаг назад, два шага вперед

25 октября 1929 года, 01:00

И погода та самая. Холодные и сырые ночи. С неба не то снег, не то дождь. С Невы сырость. Пронизывающий ветер. Над Петроградом тяжелый туман. Только

костров, которые тогда жгли у мостов и Смольного, нет. Как и отрядов вдрызг революционных матросов и красногвардейцев. Хотя если присмотреться, кажется, будто вновь видишь в акватории грозные силуэты крейсеров, бросивших там якоря в результате многоходовой операции спецов Генерального штаба под прикрытием якобы самодеятельности главы Балтревсовета матроса Дыбенко...

И сон тот же. Будто все случилось, и случилось именно так, как планировалось. Вот он в Смольном, перед залом, переполненным членами Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Его фигура — воплощение силы и уверенности. Наклонившись вперед, расставив шире локти, одна рука в кармане брюк, стиснута в кулак, другая опирается на трибуну:

— Товарищи, революция, о необходимости которой говорили большевики, свершилась! Мы приступаем к социалистическому строительству!

А потом — назначение членов нового правительства. Декрет о земле. Декрет о мире.

Но это лишь сон: скоротечный, мучительный, возвещающий наступление той самой даты — 25 октября очередного года. Какого? Тысяча девятьсот двадцать девятого, от Славной Октябрьской революции двенадцатый. Должен был случиться переворот, а случилась революция, поворот на сто восемьдесят градусов, от февральской катастрофы политических болтунов и импотентов к реставрации монархии в ущербно конституционном изводе.

Нет, больше не уснуть... Спи, спи, Наденька, я поработаю. Хлеб и горчица есть? Очень хорошо. Отрежем ломоть, намажем горчицы, а сверху соли — прочищает мозги не хуже кофе! Хотя ясность мысли и так необычайная, спасибо залятому товарищу Малиновскому. Если бы после выстрела безумной Каплан его не повезли в Институт крови, ибо он тогда, на грани сознания, вспомнил о том, как переливанием Александр спас Машу, сестру, от смертельной болезни... Не стоять ему сейчас над своим столом, не смотреть на табличку Гастева с правилами НОТ, что висела постоянным напоминанием. Да и этого свежееотпечатанного в типографии Сытина тома не было бы. «Развитие капитализма в России. Том 2. Критика новой экономической политики».

А ведь кто мог подумать тогда, в далеком семнадцатом, как все обернется? Бухарин! Как он его потом назвал? Когда находился в Горках после трансфузии и думал, что все кончено, потому что без него передерутся, перессорятся, раздерут партию на фракции и уклоны. И пришлось выдавить из себя дурацкое письмо к съезду, где охарактеризовать Бухарчика любимцем партии, ни черта не понимающим в марксизме. И тем оттолкнул его к меньшевикам, в Думу, а потом «любимец» в премьеры пролез со своим нэпом.

Но все равно — неплохо, неплохо получилось! Архиважно. Как и программная статья, которую предстоит написать и чье название выведено на листе бумаги. «Шаг назад, два шага вперед». Чертовски, чертовски продуманный план! Он чувствует — время! Всей могучей интуицией, которую и не выразишь словами. Как в 1915 году, когда в статье «Две тактики социал-демократии в демократической революции» он писал о необходимости вооруженного восстания и преобразовании войны империалистической в гражданскую. И когда в «Апрельских тезисах» провозглашал курс на социалистическую революцию. Наперекор всем соглашателям, ничего не понимающим в тактике политического маневрирования.

Однако самые тяжелые времена наступили после октября семнадцатого, после Славной революции, в период всевластия Военного комитета. Товарищи по партии, распаленные его же статьями, рвались в бой, лезли на рожон, вязывались в обреченный Кронштадтский мятеж, не понимая: темп сбит, момент упущен и лучшая тактика — выжидание, и еще раз выжидание.

Да, в октябре 1917-го у них должно было получиться, их поддерживала тайная, но могучая сила высших офицеров Генерального штаба, которым надоели болтуны Временного правительства. И был назначен день, вот этот день, что и сейчас — как-то ирония! — отмечен в календарях как красный, неприсутственный, 25 октября, и все в Петрограде знали: большевики возьмут власть, возьмут! И стояли под парами «Аврора» и «Самсон», и все было готово к управлению восстанием. Офицеры Генштаба с вечера 24-го контролировали телефоны, телеграф и вокзалы, да и кто еще мог их контролировать? Не матросню пьяную сажать на телефонную станцию! А что красногвардейцы вообще понимали в спецсвязи?! Потому и необходим был как воздух такой союзник... Но что-то случилось... Что-то пошло не так... Они тогда испугались. Все как один! На попятную. И никто потом толком ничего не мог объяснить. Страхом парализовало. Медвежья болезнь поразила. Даже его... Паралич воли. И монархическая фракция заговорщиков взяла верх, убедила остальных сделать ставку на цесаревича Алексея, реставрировать монархию, ограничив ее властью Военного комитета. И вместо Октябрьского переворота — Славная Октябрьская революция!

И сколько раз с тех, наверное, худших дней в жизни ему бросали в лицо его же слова: «Промедление смерти подобно»?! Но он продолжал стоять на своем. Не щадно эксплуатировал свой непререкаемый авторитет, когда надо — лавировал, в одиночку шел против большинства, рискуя потерять все, но выстоял, выстоял! Интригами, которым и Макиавелли позавидует, добился, что спустя долгие двенадцать лет власть готова упасть ему в руки. Им в руки! Тем, кого списали со счетов, держали за маргиналов, шельмовали, чей голос не звучал с трибун Думы ни разу за эти годы!

Его привычка — перед написанием важной статьи ходить по комнате и бормотать под нос основные тезисы. Не разбудить Наденьку... Что, пора? Мысль оформилась? Да, вот ключевая: «Социал-демократия в лице большевиков признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность добиваться наибольших результатов, достижимых при данных условиях». И ничто так не раздражает, как чистоплюйские замечания о необходимости порядочности и честности в политике! Но подобного писать, конечно же, не следует. Это пусть Малиновский со своими научными соборами носит. Собор! Научный! Надо такое удумать! Собрать ученых в одном месте, обеспечить наилучшие условия и дать полную свободу творчества... Социализм-утопизм, по которому еще Маркс хорошо оттапывался в критике Фурье и иже с ним. А откуда уши торчат? С той странной книжонки — «Красной звезды». Забавное чтение, забавное, сам как ценитель хорошей беллетристики могу признать... но вредное! Архивредное! Неужели только я вижу его замах на ревизию марксизма? Сначала с эмпириомонизмом, затем марсианами и их инженерной утопией. Замахнулся... осмелился на то, что дозволено только ему, потому что он, Ленин, первым понял: Маркс в том виде, в каком излагал дедушка Плеханов, никуда не годился! Ревизия учения необходима, но тонкая, глубокая, скрытая. Кто тогда и сейчас Маркса в подлиннике читал? Малиновский. Малиновский читал. И тоже понял. Понял раньше его. И сразу засучил рукава. А потому требовалось убрать его из партии. Пусть занимается наукой, беллетристикой, но к партии — ни-ни!

Вспоминать смешно, как на прогулке в лесу, сразу после съезда, они сцепились в пылу дискуссии, чуть палками друг друга не отдубасили. Права Наденька, что корит его за излишнюю эмоциональность да «горячкой» называет.

Что?! Всего пять минут прошло?! Не может быть! Нет, правильно... все же в одном Малиновскому должен быть благодарен — за спасение после роковых выстрелов

лов. В него действительно другую кровь влили. А с ней — энергию, какой раньше не ощущал. Он-то всегда спал чертовски мало, а теперь достаточно в кресле десяток минут подремать и подняться бодрым и энергичным. Есть, есть в переливании крови потенциал. Если к власти придем... нет, не если! Когда к власти придем, институт особо поддержать надо. Глядишь, Малиновский и бессмертие обеспечит, не то, поповское, с дурацкой райской жизнью, а настоящее, на земле, материальное бессмертие.

Но сейчас — статья! Уже готовая, во всех деталях. Нужно только сесть, аккуратно записать на приготовленных листах, и сегодня же — в печать!

Бухарин. Посол Европейского Союза Советских Республик

25 октября 1929 года, 02:00 — 03:00

Больше всего Николай Иванович мечтал выспаться. Или хоть как-то добиться прояснения в голове, отяжелевшей от какой по счету бессонной ночи, для чего, он знал по собственному опыту, всего-то и нужно — подремать минут двадцать здесь, за столом, или на кожаном диване за ширмой. И попросить исполнительного Андрюшу Бурмакова разбудить его. Но нет. Не имелось у него лишних минут. Как только Государю удастся сохранять столь удивительную работоспособность? Иногда кажется, что Алексей Николаевич вообще не спит, ибо любит назначать ночные совещания, а то просто позвонить и поинтересоваться ситуацией в ЕССР, Великобритании, где полыхала Вторая война Красной и Белой розы, уточнить график поставок зерна в Европу в обмен на технику... Да мало ли на что председатель правительства обязан дать немедленный исчерпывающий ответ!

Андрюша осторожно кашлянул, и Николай Иванович открыл глаза. Неужто задремал?! Перед ним дымился начищенный до зеркального блеска кофейник, стояла чашечка китайского фарфора, молочник, сахар, наколотый именно так, как он любит, — мелко.

— Последняя сводка из МИДа, — Андрюша пристроил сбоку кожаную папку с потертыми углами, выбитым золотом двуглавым орлом и витиеватой надписью «Председатель Правительства Российской империи Н. И. Бухарин». — И еще звонил господин посол Бюлов, просил принять безотлагательно, Николай Иванович.

Бухарин невольно посмотрел на свежеподписанный документ — постановление правительства об увеличении квот сельскохозяйственным кооперативам на поставку зерна в Европейский Союз. Осторожно взял чашечку с крепчайшим кофе, глотнул и попросил:

— Андрюша, своими словами, пожалуйста, — у напитокка не оказалось ни вкуса, ни бодрости. — Ты ведь прочитал?

— Да, Николай Иванович, и подготовил выжимку... — он полез в свою папку, но председатель рукой махнул: продолжай, мол, своими словами.

Андрюша Бурмаков, самородок из деревни Старые Громыки Могилевской губернии, излагал, как всегда, сжато и толково. А ведь двадцать лет парню!

Ситуация в политических верхах Европейского Союза Советских Республик остается неустойчивой. Два крыла диктатуры пролетариата (диктатуры! пролетариата! — Бухарин до сих пор нервно морщился, слыша вполне официальное самоназвание политического режима Советской Европы) — «ястребы» и «голуби» — продолжали фракционную борьбу. Цель у тех и других одна — мировая революция, но

первые предлагали достичь ее через войну, а вторые — так называемой «мягкой силой», то есть через подрыв внутренних устоев капиталистических и тем паче монархических государств.

— Дальше... дальше... дальше... — Николай Иванович обрывал Андрюшу, когда тот углублялся в детали, важна общая картина.

— Стратегии «голубей» дан полный ход в делах Британской империи, — продолжал Бурмаков. — При внешнем нейтралитете роль Европы в разжигании Второй войны Красной и Белой розы неоспорима. Наш посол в Лондоне докладывает... хм... — Андрюша кашлянул, и Бухарин тут же открыл глаза, механически отхлебнул кофе. Опять что-то чрезвычайное.

— Как там у Литвинова? После провозглашения независимости Индии трудно представить, что английские дела могут пойти еще хуже...

— Ходят устойчивые слухи, будто Эдуард Пятый готов отречься от престола. Формальный повод — вступление в морганатический брак с некоей Уоллес Симпсон, американкой, которую подозревают в связях с европейской разведкой. Если отречение произойдет, да еще на фоне крупных поражений Белой розы в Северной Ирландии...

— Трон займет... — Николай Иванович прищелкнул пальцами.

— Герцог Альберт Георг Йоркский, — сказал Бурмаков. — Но, по информации Литвинова, имеются серьезные сомнения, что он примет трон. Возможно, и его правление окажется весьма скоротечным.

Трон британской монархии шатался. Гражданская война и чехарда в престолонаследии — это ли не кратчайший путь к гибели? Вслед за Британией наступит черед... наступит черед главной силы на континенте, которая может противостоять ЕССР, — Российской империи. И здесь нельзя утверждать, будто трон устойчив, как никогда. Государю двадцать пять лет. Он молод, неопытен, не женат и не имеет престолонаследника. А в отношении России «голуби» и «ястребы» ЕССР будут действовать в полном согласии друг с другом. Неужели война у порога? Боже, что за времена! Могли они, российские социал-демократы образца тысяча девятьсот десятого или даже тринадцатого, вообразить войну с европейскими коммунистами?! Но те поддержали патриотический угар Великой войны, а затем обратили войну империалистическую в войну гражданскую и смели монархов и капиталистов, а заодно и границы, разделявшие Европу, учредив Европейские Соединенные Штаты, позже — Европейский Союз Советских Республик. Оказалось, пассаж Маркса об особой враждебности русских делу коммунизма — отнюдь не случайность, а глубочайшая убежденность европейцев в исконной отсталости азиатской по сути России.

— Тебе не в Московский университет на экономиста поступать, Андрей Андреевич, — вздохнул от тяжких дум председатель правительства. — Тебе на дипломата учиться надо.

— Николай Иванович, — почти жалобно сказал Андрюша, тоном доказывая, что не оставил мечты стать великим экономом.

— Подпишу тебе рекомендацию в Дипломатический корпус, — сказал Бухарин. — Не следует самородками разбрасываться.

Зазвонил внутренний телефон, Андрюша поднял трубку.

— Посол ЕССР ожидает приема, Николай Иванович.

— Пригласи, — Николай Иванович бросил взгляд на подписанное постановление о квотах. Если не можем воевать, придется умиротворять. Он открыл лежащую по соседству папку с еще одним постановлением, ждущим подписи, — налоговые послабления предприятиям тяжелой и военной промышленности, поколебался, захлопнул и протянул ее Бурмакову. — На доработку. В казне мышь повесится,

а они от налогов просят освободить. Пусть изыщут иные источники. В таком виде не подпишу.

Когда вошел посол, Николай Иванович изобразил на лице искреннее добролюбие, выбежал из-за огромного стола, протянул руку. Хватка клешни товарища Бюлова была железной.

— Спешу вас порадовать, товарищ посол, — торопливо сказал Бухарин, — долгожданное постановление о расширении квот мною подписано. Надеюсь, это снимет последние барьеры на наши поставки хлеба в Европу в обмен на вашу великолепную сельхозтехнику.

— Техника в обмен на продовольствие, — посол тоже расплылся в широкой улыбке, но глаза его — льдинки. — Знаете, Николай Иванович, как у нас шутят? Мол, наш герб — скрещенные серп и молот — символ союза европейского пролетариата и русского крестьянства. Европа не может без России, без ее богатейших аграрных и сырьевых ресурсов... Вы и ваше правительство, товарищ Бухарин, проводите весьма дальновидную политику добрососедства с Европейским Союзом. Вопрос о концессиях...

— Он будет вскоре решен, — заверил посла Бухарин. — Мне удалось убедить Государя, что без европейских инвестиций нам не расширить сырьевой сектор.

— Да-да, а также без наших инженеров, специалистов, техники, — усмехнулся посол. — Но нас особо беспокоит судьба концессии по урановым месторождениям в Средней Азии. Впрочем, — прервал он себя, — я хотел сообщить нечто, что касается непосредственно вас, Николай Иванович. Так сказать, вполне надежные сведения из весьма конфиденциального, но информированного источника.

— О чем вы говорите? — насторожился Бухарин.

— О предстоящей отставке вашего правительства, господин премьер-министр. Как мне удалось узнать, вашим монархом принято твердое решение по данному вопросу.

Бухарин вернулся за стол, опустился в кресло, стиснул кулаки.

— Кто? — только и спросил он.

Но посол его прекрасно понял.

— Две кандидатуры рассматриваются на ваше место, милейший Николай Иванович. Господин Ульянов-Ленин и... — посол помедлил, словно примериваясь, как лучше нанести *coup de grâce*, — господин Малиновский.

Богданов. Хмурые тучи на границе

25 октября 1929 года, 04:00

Игорь Иванович ежился от холода. От пронизывающего балтийского ветра не спасали ни кожаная куртка, ни кожаные штаны, ни плотно облегающая голову авиаторская шапка. А то ли будет на высоте! Он посмотрел на укрытый маскировочной сетью аппарат. В последние дни активность разведывательных полетов европейских «рам» резко возросла, приходилось принимать меры предосторожности.

Нашупав в кармане портсигар, Игорь Иванович хотел его достать, но в гул близкого моря впелся посторонний звук. Затем со стороны дороги, точнее, выбитой в песке колеи появился огонек, затем на вертодромное поле выскочила узкая приземистая тень. Сикорский невольно опустил руку на кобуру, хотя прекрасно понимал: если гость миновал внешний периметр охраны, то обладает необходимыми полномочиями. Его окатил слепящий свет фары, Игорь Иванович помахал, и перед ним остановился, урча и взрыкивая, мотоцикл.

— Игорь Иванович, — сказал слезший с огромной машины человек, стянул с головы шлем с очками-консервами, — пришлось ждать, когда будет готово оборудова-

ние, — манера говорить у приехавшего была странной, отметил Сикорский. Ни приветствий, ни извинений за задержку, сразу к делу. Впрочем, его это устраивало, не до церемоний. Тем временем с заднего сиденья мотоцикла слез маленький человек и принялся возиться с громоздким ящиком, кое-как уместившимся в коляске.

— Приветствую, Александр Александрович. Ваш батюшка позвонил два часа назад, это оказалось... весьма неожиданно.

— Но турель вы установили? — спросил Богданов. — Чертеж конструкции я направил факсимильной связью.

Сикорский посмотрел на горбатый силуэт под маскировочной сетью.

— Да, установили.

— Нэти, — позвал Богданов спутника, который, несмотря на хрупкое телосложение, неожиданно легко вытащил ящик из коляски и поставил на пожухлую траву. — Займитесь установкой аппарата. А я, — он вновь повернулся к Сикорскому, — хочу поговорить с пилотом. Он здесь?

— В медсанчасти, — Игорь Иванович показал в сторону приземистых зданий на краю вертодрома. — Почувствовал себя плохо. Слабость, температура, тошнота... Фельдшер говорит — простудился, наверное...

— Пойдемте, — Богданов решительно зашагал в указанную сторону. Сикорский еле поспевал за ним, поражаясь, насколько же сын походил на отца. С Малиновским они несколько раз встречались во время обустройства аэрограда в Выборге, где теперь сосредоточились российские бюро по проектированию и строительству воздушных аппаратов и где собирались экспериментальные машины, включая скоростные разведчики и вертолеты его, Сикорского, конструкции. Теперь же, разглядывая Александра Александровича со спины, Игорь Иванович не мог отделаться от ощущения, что перед ним не сын, но сам пэр.

Дежурный фельдшер поначалу отказался пустить их, объясняя, что состояние пациента резко ухудшилось, пришлось сделать укол.

— Но он ведь в сознании? — нетерпеливо спросил Богданов, отстранив фельдшера, который пытался загородить им проход, держа в руках белоснежный халат, словно ширму. — Мне на пару вопросов.

Они переступили порог палаты, где пустовали все кровати, кроме одной. Летчик действительно выглядел плохо: почти слившееся по белизне с подушкой лицо, лишь под глазами и вокруг рта — темные тени, крупные капли пота, тяжелое дыхание. Словно ощутив появление визитеров, он открыл глаза и повернул к ним крупную голову. Шевельнулся, будто пытаясь встать.

— Лежите, лежите, — предупреждая вскинул руку Богданов. — Я хочу услышать, что вы наблюдали вчера во время разведывательного полета... Валерий Иванович, да?

— Да, — сказал летчик. — Подробно изложил в рапорте... и еще фотографии... Вспышка... очень яркая вспышка... будто солнце... а затем ударная волна... самолет чуть не сорвался... но я удержал... Хороший самолет... выдюжил...

— Это вы великолепный летчик, Валерий Иванович, — сказал Сикорский.

— А произошло в районе Пенемюнде? — уточнил Богданов.

Игорь Иванович уловил в его тоне нетерпение. Он готов дать голову на отсечение, что гость не имел ни капли сочувствия к заболевшему летчику.

— Так точно, — вместо летчика ответил Сикорский. — Аэроразведка велась с помощью технических средств, была поставлена задача как можно ближе подобраться к испытательному полигону. Точнее, к тому, что мы таковым считали. И, как можно судить, не ошиблись.

— Значит, есть фотографии? — резко повернулся к нему Богданов, рука его сжимала плечо летчика, и, судя по всему, настолько крепко, что тот не выдержал, издал стон. — Почему не доложили про фотографии? Покажите их!

Богданов рассматривал отпечатки даже теперь, когда вертолет набрал высоту и скорость. Сгустились предзвездные сумерки, в которых глаза слепнут сильнее, чем в крошечной тьме. Александр Александрович подсвечивал фонариком. Игорь Иванович крепко держал рычаги и ощущал себя как при первом полете на этажерке. Чтобы максимально облегчить машину, с нее демонтировали почти всю обшивку, что делало вертолет похожим на первые аэропланы. Ветер сифонил из отверстий, сквозь гул винтов слышался рев беснующегося моря.

— Вертолет — исконно русское изобретение! — прокричал Сикорский Богданову, не выдержав переполнявшего его восторга. — Он особенно соответствует русской душе!

Ветер рвал из рук Александра Александровича фотоснимки, которые аналитики РИЦа признали испорченными, ибо на них отпечатался странный дымный гриб. Впрочем, Чкалов утверждал, будто именно такой гриб он наблюдал после вспышки, когда уводил машину на аэродром, но что это такое — никто объяснить не мог.

«Республика Земшара родилась, — непонятно сказал Богданов там, на земле, заполучив испорченные фотографии. Сказал не Сикорскому, а своему спутнику и так же непонятно добавил: — Вот зачем им концессия на урановые рудники». Его спутник Нэтти — что за чудное имя? — безмолвно кивнул и потянул Богданова за собой — то ли показать, как он пристроил громоздкий ящик в хвосте вертолета, то ли сказать нечто наедине.

— Уже близко, — услышал Игорь Иванович голос Богданова. — Через десять минут выйдем в расчетную точку.

Он завозился, выбираясь из сиденья, скрылся позади, устраиваясь на сделанном наспех стульчике перед ящиком с раструбом, делавшим его похожим на неуклюжий киноаппарат.

Сквозь сумрак проявились огни. Сначала немного, затем все больше и больше, постепенно сливаясь в тусклое зарево, в котором горбатились смутные тени. Игорю Ивановичу показалось, что это походило на анилиновый завод, на котором он бывал во время поездки в Германию.

Но он не успел ничего спросить Богданова — к далеким строениям вдруг протянулась идеально прямая огненная нить, и Сикорский не сразу понял, что источник ее — аппарат, закрепленный в хвосте вертолета. Мгновение нить сохраняла неподвижность, словно чего-то дожидаясь, а когда строения озарились мощной вспышкой, заметалась среди клубов огня и дыма, вызывая все новые и новые взрывы, гул которых перекрыл шум моря и ветра.

Игорь Иванович крепче вцепился в рычаги и повел вертолет вдоль береговой линии.

УЗЕЛ II. СМЕНА ВЕХ

Княжна Ольга Николаевна. Заговорщики из Генерального штаба

25 октября 1929 года, 08:00

Накануне приснился сон, о котором я со смехом рассказала брату. В далеком 1910-м баронесса Меендорф повстречала на улице Ялты беспризорного пуделя, выкрашенного в ярко-красный цвет. Будучи председателем комитета охраны животных, она потратила полдня, пытаясь поймать несчастное (по ее мнению) создание, дабы отмыть добела, а заодно выяснить — кто владелец, допустивший столь ужасающее издевательство над псом. Однако Сискеда даже не улыбнулся, лишь странно

сказал, что красный пудель до сих пор бегаёт по России. (И, кажется, не обратил внимания на прозвище — анаграмму от Алексис, которым я его назвала.)

При высочайшем дворе если что заводилось, так то и оставалось со времен Екатерины Великой до нашего времени. А именно подъем великих княжен не ранее восьми часов утра. Даже теперь, когда Алексей работает ночи напролет, я не смогла уговорить прислугу будить меня хотя бы на час раньше, ибо сама не нахожу для этого волевых сил, увы. Встав, я направляюсь к стоящему на столике аппарату по забору крови и укладываю руку в приспособление. Никто не помогает, я сама справляюсь, хотя и не понимаю — что внутри него происходит. Нет ощущения укола, словно поцелуй в сгиб локтя. И колба наполняется кровью. То, что я это делаю, отнюдь не одобрение опытов господина Малиновского. Хотя отдаю отчет — в свое время болезнь Алексея оказала почти губительное воздействие на империю. Будто гемофилия охватила всю страну и привела к страшному 1917-му.

Нет, мой утренний ритуал — знак благодарности, своего рода ежедневная дань, которую я способна и обязана принести, дабы научные опыты Александра Александровича продолжались. И по поводу стационарных и передвижных станций забора крови у желающих, что столь распространились не только в столице, но, кажется, и по всей стране, я ничего не говорю брату, хотя порой гложет жуткая мысль: «А не назовет ли кто из-за этого Алексея „Кровавым“, как пристало столь жуткое прозвище к нашему бедному Папа?» Да и отец Федор все чаще и чаще в беседах и наставлениях поднимает вопрос о донорстве, намекая на обеспокоенность церкви столь странными научными изысканиями.

Впрочем, я ощущаю — причина их страха глубже — и в какой-то мере разделяю его, опасаясь превращения господина Малиновского во второго Распутина, чьи способностей облегчать страдания Алексея нельзя было отрицать, отчего Мама столь к нему благоволила. И не воспользуется ли господин Малиновский своими научными методами по улучшению состояния здоровья Государя, дабы оказывать на Сискела влияние, какое оказывал «наш чудесный друг», став причиной трагической цепи событий, чуть не уничтоживших династию? Когда я напрямую поинтересовалась у М. Т. о Малиновском, он то ли в шутку, то ли всерьез заметил: о господине Малиновском ходит столько слухов, вплоть до того, будто он летал на Марс, где нашел древнюю цивилизацию, наподобие той, что описал граф Алексей Толстой в романе «Аэлита» (роман я потом нашла и прочитала), а также будто Александра Александровича зачастую видят одновременно в нескольких местах, разделенных между собой изрядным расстоянием.

Впрочем, по странной прихоти Александр Александрович оказал воздействие и на мою собственную судьбу, уговорив взять патронаж над столь пестуемым им движением «Пролеткульт», но опять следует признать: в нем трудно заподозрить иное, кроме стремления ликвидировать массовую безграмотность в стране и дать шанс каждому рабочему испытать радость творчества. Вот и сейчас стол в кабинете завален журналами, брошюрами, книгами Пролеткульта, с которыми следует разобраться, однако камердинер сообщает: Алексей Николаевич ждет меня.

Как всегда, он работает в кабинете Папа — небольшого размера, в одно окно. Покойная меблировка с тех времен: кресла темной кожи, диван, письменный стол с идеально выровненными ящичками, другой стол загроможден книгами, которые Сискела штудирует, книжный шкаф. Застаю его в любимой позе отца — стоя, тогда как гость свободно расположился в кресле. Оба курят, ибо отец тоже начинал с этого: встав из-за стола, предлагая располагаться удобнее и курить, сам закуривая папиросу. Сискела тонок и хрупок, как статуэтка Фаберже. Михаил Николаевич массивнее. Увидев меня, он вскакивает, склоняет голову: «С позволения Вашего

Императорского Высочества...», хотя прекрасно знает: я не терплю подобного обращения.

«Вы что со мной так разговариваете? С ума сошли?»

«И давно, Ольга Николаевна».

Государь наблюдает за нами с тщетно скрываемой улыбкой. Несомненно, он в курсе. Тридцатишестилетний генерал Генштаба, самый, пожалуй, блестящий и одаренный, М. Т. отнюдь не выглядит морганатической кандидатурой, особенно в наши либеральные времена. Но на подобные темы я с Сискелой не говорю. Пока.

Когда любезности позади, генерал Тухачевский продолжает ровно с того места, на котором прервался:

«Либеральная власть в России — мертвая власть. Или власть, устремленная к смерти. Николай Иванович дьявольски неустойчив в политике. Он — не лидер, не самостоятельный игрок. Ему обязательно нужно к кому-то прилипнуть».

И только спустя некоторое время я понимаю, что столь непозволительно Михаил Николаевич говорит о премьер-министре. Однако Алексей не выказывает ни возмущения, ни раздражения. Словно следуя той полудетской клятве, которую неоднократно повторял, будучи мальчиком: «Если я стану царем, никто не посмеет солгать мне. Я наведу порядок в этой стране». Генерала Тухачевского невозможно обвинить даже в малейшей лжи.

«Политика умиротворения сегодня приказала долго жить».

«Что вы имеете в виду?» Мне позволительно задать вопрос, тем более я приглашена Государем.

«Европейским Союзом успешно испытано взрывное устройство нового типа. Очень мощное взрывное устройство, построенное на совершенно иных физических принципах. По тем данным, которые удалось получить разведке, один такой заряд способен уничтожить крупный город».

«Это ужасно! Вы уверены, Михаил Николаевич?» — невольно всплескиваю руками.

«Увы, Ольга Николаевна, наши разведывательные данные абсолютно точны. Более того, новая война, которую так желают разжечь европейские социалисты, получила кодовое название „мировая атомная революция“. Как только у ЕССР будет достаточно таких бомб, они развяжут всемирную бойню за освобождение пролетариата. Мнимое освобождение, конечно же».

Сигнал окончания аудиенции Алексей тоже воспринял от отца — Государь подходит к окну и становится спиной к посетителю. Мы с Михаилом Николаевичем поднимаемся, но когда я готова выйти за ним следом, Алексей просит остаться, а затем еще долго ходит по комнате, вымеряя широким шагом. А я в который раз поражаюсь — насколько же он внешне становится все больше похожим на Папа. Его губы беззвучно шевелятся, но охваченная воспоминаниями, я готова вложить в них то, что услышала в последний раз от Папа, когда он прощался с нами, прежде чем сесть в бывший императорский поезд, с элегантных темно-синих вагонов которого сбили императорские вензеля: «Господи, спаси и умири Россию!» Ах, если бы он не отправился в паломничество в Ипатьевский монастырь! Если бы он был Государем, а не просто гражданином Романовым, которому не полагался поезд-двойник, чтобы обеспечить безопасность проезда в Кострому по стране, где не угасли очаги смуты! Тогда бы тело его не отпевали в церкви Троицы Ипатьевского монастыря перед иконой Федоровской Богородицы, чудодействия которой не хватило уберечь жизнь Папа...

Алексей говорит, а я молча слушаю, ибо он не терпит когда его прерывают.

Военная комиссия требует исполнения пункта секретного Меморандума от 1917-го, подписанного сначала регентом, а затем и Алексеем при вступлении на пре-

стол. Только теперь они требуют от государя вернуть себе, а следовательно — им, и даже больше — им, всю полноту власти, распустив Думу и отправив в отставку правительство. Предстоящая война, в неизбежности которой комиссия не сомневается, требует сосредоточения всех сил государства. И самодержавие для этого подходит лучше всего. Более того, вслед за отзывом Манифеста о даровании конституционных свобод они настаивают на передаче права сформировать правительство большевикам, назначив премьером Ленина-Ульянова, так как только у большевиков имеется реальная программа перевода экономики на мобилизационные рельсы. Кроме того, марксистские убеждения Ленина должны несколько усыпить политические круги ЕССР, подав ложный сигнал о том, будто мы всерьез готовы следовать социалистической доктрине. Как они выразились: «Неважно какого цвета кошка, главное — чтобы она ловила мышей».

И когда он умолкает, я позволяю себе два вопроса, на которые получаю ответы. «Они» — Генеральный штаб и Михаил Николаевич в частности. Нет, отказался, сославшись на то, что имеет иную кандидатуру на должность премьера, раз Военную комиссию перестал устраивать Николай Иванович.

Ах, будь жив Папа, он бы обязательно подсказал... И я уверена — Сискела думает о том же. Вот только его взгляд... Словно сквозь знакомые и теплые голубые глаза проглядывает некто чужой и холодный.

Яхта «Штандарт». Бунт тектотона

25 октября 1929 года, 11:00

Запуск первого российского боевого тектотона был приурочен к славной дате восшествия на престол Его Императорского Величества Алексея Николаевича. Строго говоря, это не были ходовые испытания, тем паче проверка боевой мощи «сухопутного броненосца», как называли эти машины, чьи предки — танки — родились на полях Великой войны. Первоначальным планом торжество предусматривался спуск тектотона со стапелей Судостроительного завода, где машина должна была отсалютовать Государю и присутствующим гостям холостым залпом из грудных и плечевых орудий, а затем своим ходом отправиться из Петрограда на испытательный полигон по предварительно перекрытым проспектам и улицам, тем самым воочию демонстрируя жителям и гостям столицы мощь русского оружия.

Но подобному сценарию протокольной канцелярии дворца воспротивилась Служба безопасности, а потому после долгих согласований было решено доставить тектотона к месту испытаний — на полигон в районе финских шхер — на палубе баржи и в сопровождении крейсера «Авроры», героя победы в Цусимском сражении, и новейшего крейсера «Самсон», красоты и гордости Балтфлота.

К тому времени, когда тектотона кранами сгружали на многоосную транспортную платформу, чтобы перевезти на место активации, погода испортилась окончательно. Низкие тучи скрыли солнце, по стальному морю прокатывались высокие валы, тучи соленых брызг, срываемых с их вершущек, вносили свою лепту в мерзкую смесь дождя и снега.

Даже сейчас, после двух десятилетий со времени спуска на воду, яхта «Штандарт» оставалась красивейшим судном российского флота. Глубокая модернизация улучшила ее ходовые качества, а по предложению Малиновского и с горячего согласия начальника Службы безопасности Дзержинского к предстоящим испытаниям тектотона яхту оснастили дополнительными средствами защиты. Теперь на носу

и корме «Штандарта» горбились странные аппараты, упрятанные под промасленный брезент. Береженого Бог бережет.

Таинственные аппараты привлекли особо пристальное внимание бывшего Его Императорского Величества Вильгельма, который, поддерживаемый под локоток молодой женой Герминой Рейсс-Грейцской, переходил от одного устройства к другому, стучал по брезенту тросточкой и по-немецки пытался выведать у матросов и офицеров их назначение. Тем временем среди экипажа распространился слух, будто испытываемый тектотон, получивший имя «Тилли-Вилли», назван так в честь «старого немецкого дяди», как, подражая Государю, все на яхте за глаза именовали слегка выжившего из ума Вильгельма.

Выстрел носового орудия «Авроры» возвестил начало испытаний, и находившиеся в рубке яхты прильнули к окулярам биноклей, разглядывая сквозь завесу дождя и снега происходившее на полигоне.

Поначалу ничего, кроме плоских скал, поросших деревьями, не наблюдалось. Напряжение достигло апогея, но вот, словно по мановению волшебной палочки, над лесом возникла огромная человекоподобная тень, и вздох облегчения вырвался у присутствующих. Кто-то даже захопал, но суеверные члены госприемки аплодисментов не поддержали — не говори «гоп». Алексей Николаевич также ничем не продемонстрировал своих чувств, всматриваясь в первого отечественного тектотона, который после ходовых испытаний заступит на охрану западных рубежей империи и качественно повысит боевую мощь российской армии.

Тем временем дверь в рубку распахнулась, и внутрь шагнул разгоряченный Вильгельм, в рукав которому вцепилась несчастная Гермина, безуспешно пытаясь умерить восторг ветхого супруга. От возбуждения старый немецкий дядя перешел на ломаный русский:

— Это есть великий победа! Есть победа немецкий оружия! Немецкий дух доказал свое, я-я, превосходство! Тилли-Вилли! О, это есть шутка в мою честь, господа! Я есть буду хороший броненосец!

Алексей Николаевич понял, что бывший кайзер вообразил, будто присутствует на испытаниях немецкого тектотона, и распорядился устроить старика поудобнее и поднести ему кружку горячего грога. Сам же вышел из рубки и энергичной походкой заправского моряка, которому и качка нипочем, направился к собравшимся на носу яхты офицерам, среди которых находился и Малиновский со своим неизменным ассистентом Мэнни.

Александр Александрович о чем-то переговаривался с худошавым, походившим на рыцаря печального образа Дзержинским. Рядом с ними, крепко вцепившись в лер, стоял Тухачевский, чей черный плащ рвал неистовый ветер, делая его похожим на расправившего крылья мрачного демона. Малиновскому пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть шум ветра и грохот волн, утешающих скалистый берег и шхеры:

— Все перспективные образцы существуют в единственном экземпляре! У нас нет необходимых мощностей запустить их в серию, да еще с использованием только отечественных комплектующих...

Дзержинский что-то ответил, но порыв ветра отнес слова, и Алексей Николаевич ничего не расслышал. Тухачевский первый заметил приближение Государя. Он шагнул навстречу, подхватил его под локоть, помогая преодолеть очередное столкновение яхты со стальным балтийским валом, от чего палубу окутало облако брызг.

— Не лучшая погода для испытаний, господа, — сказал Алексей Николаевич. Яхта сблизилась с берегом, демонстрируя все мастерство капитана и команды — невыверенный поворот руля, и «Штандарт» мог сесть на мель, как случилось в этих же местах много-много лет назад и чему Государь, тогда еще мальчишка, являлся свидетелем.

— Условия максимально приближены к боевым, — ответил Михаил Николаевич. — По программе испытаний тектотон должен потопить баржу у второго пирса, — он протянул руку, указывая на выступающую в море полосу, у самого края которого поднималась и опускалась на волнах неповоротливая посудина.

— Орудиями? — осведомился Держинский.

— Феликс Эдмундович, вы сами категорически запретили загрузить в тектотон хоть что-то взрывчатое, — усмехнулся Тухачевский. — Стрельба, конечно, будет, но холостыми. А дальше ему, точнее, экипажу тектотона придется действовать в буквальном смысле руками.

— Вижу его! — воскликнул Малиновский. — Он движется не по пирсу!

Тухачевским посмотрел в бинокль:

— Ну, конечно же, передвигается по дну, благо глубина позволяет...

Он не успел закончить. Ослепительная вспышка. Оглушительный грохот, перебивший шум ветра и волн. Свист. И — взрыв! По правому борту яхты взметнулась огненная колонна, жаркая волна хлестнула по стоящим на носу людям. Алексей Николаевич не успел пригнуться, и упругий кулак взрывной волны опрокинул его на палубу. Взревел тягучий, надрывный сигнал тревоги.

Когда все четверо ввалились на мостик, стало очевидно: тектотон вышел из повиновения и расстреливал откуда-то имеющийся у него боезапас по «Штандарту», не отвлекаясь на другие корабли в акватории. От попадания миловали Бог да умелые действия капитана вкупе со слаженностью команды.

Малиновский, оказавшись внутри рубки, кинулся к смонтированному еще перед самым выходом в море щиту управления таинственными аппаратами, отчаянно сохраняя равновесие, поскольку яхта рыскала, стараясь не дать канонирам тектотона прицелиться. К грохоту взрывов, вою ветра и реву волн добавилась странная вибрация, пронизавшая корпус судна, а затем главные калибры взбунтовавшейся машины смолкли.

— Что за... — пробормотал Тухачевский, увидев, как от стоящих на палубе яхты громоздких аппаратов, с которых сдернули брезент, расплзается бледное сияние и в нем тают нос, левый и правый борта «Штандарта», словно кто-то проходится по яхте огромной стирательной резинкой.

— Что происходит?! — не сказал, не крикнул, а каркнул Государь. — Что это?! Ради Бога...

— Синематографическая маскировка, — Малиновский посмотрел на Алексея Николаевича и страшно осклабился. — Пускай попробует нас увидеть!

И тут из низких туч вынырнул вертолет, чуть ли не камнем упал на тектотона, который, шагая по дну, погрузился в свинцовые воды до берцовых сочленений. Сидящий позади пилота человек обеими руками вцепился в нечто похожее на небольшую пушку с раздутым казенником, из дула потянулся яркий луч, а на ближайшей скале возник кружок света, который стянулся в ослепительную точку и задымился. Дымная полоса прошла поперек бронированной груди тектотона. Машина качнулась, как-то странно распухла, из-под зашевелившихся, будто живые, бронированных плит брызнули лучи света, и Тухачевский понял: внутри тектотона сдетонировал боезапас. Машина с оглушительным грохотом обрушилась спиной в море. Голова тектотона вместе с плечами, точно кусок хлеба, отвалилась от нижней части.

Опустив бинокль, Тухачевский задумчиво потер подбородок. Он готов был поклясться — в вертолете находился человек, как две капли воды похожий на Малиновского.

И словно заключительный аккорд безумия — на кресле вскинулся было задремавший Вильгельм и с неожиданной мощью заорал:

— Ура! Ура! Да здравствует победа немецкого оружия! Я же говорил, что буду отличным оружием! На Петроград! На Петроград!

Плачущая Гермина Рейсс-Грейцкая безуспешно пыталась успокоить окончательно выжившего из ума старика.

Научный монастырь

25 октября 1929 года, 15:00

«Цесаревич» — еще одно чудо господина Сикорского — был создан специально для официальных перелетов августейших персон и сочетал представительскую роскошь с последними достижениями авиастроения. Огромный шестимоторный самолет легко взмыл в небеса, и под широко раскинутыми крыльями открылись замысловатые регулярности научного града, большая часть домов которого возводилась по проектам известнейших конструктивистов Объединения современных архитекторов.

Сидевший напротив Государя Александр Александрович тоже прильнул к иллюминатору, держа в руках папку с прошениями о предоставлении российского подданства. Алексей Николаевич готов был их подписать, несмотря на то, что каждый подобный указ вызывал ноту протеста со стороны ЕССР и российский посол вызывался в европейский МИД для выслушивания официального возражения. Однако такая политика приносила вполне зримые плоды, в чем Государь мог убедиться, когда ходил по институтам и лабораториям Научнооборска — удивительного града науки, в котором жили и творили сотни первоклассных европейских и российских ученых, где учились тысячи талантливых юношей и девушек со всей России вне зависимости от сословного и имущественного положения. Именно там создавалось то, что Малиновский называл им же придуманным термином — «научно-техническая революция».

— Я напоминаю себе царя Додона, который все же собрался и посетил град на острове Буяне, — сказал Алексей Николаевич, когда «Цесаревич» нырнул в облака и земля исчезла из виду. — Благодарю еще раз, Александр Александрович, что уговорили меня там побывать. После того, что случилось с тектотонном... — Государь помрачнел и замолчал. Даже сейчас у него перехватывало горло. Не от пережитого страха, когда сделался мишенью вышедшей из повиновения машины, а от почти детской обиды, словно собственными руками пришлось сломать любимую игрушку. — То, что мне продемонстрировали в качестве... пер-спек-тивных раз-ра-боток... — Государь осторожно, точно пробуя на вкус, повторил слова, столь часто произносимые во время их переходов из одного института в другой, из одной лаборатории в другую. — Это впечатляет и вселяет оптимизм.

Александр Александрович молчал и смотрел на Алексея Николаевича. Его взгляд и выражение лица беспокоили Государя, он вдруг ощутил себя учеником, словно его милейший учитель Жильяр обнаружил, что цесаревич недостаточно глубоко усвоил урок. Малиновский пододвинул к нему папку, и, скрывая неловкость, Государь принялся просматривать бумаги, которые предстояло подписать.

— Господа Эйнштейн, Тесла, Гёдель, Фрейд, Крон, — Алексей Николаевич вновь посмотрел на Малиновского. — Кто они, Александр Александрович?

— Лучшие умы европейской науки, — сказал Малиновский. — Физики, математики, конструкторы, философы... Но им не нашлось места в новом дивном мире, который строит пролетариат Европы. Северо-Американские Соединенные Штаты, куда некоторые хотели выехать, отказались их принять... из дипломатических соображений, не желая осложнений.

— Понимаю, — кивнул Государь, — и не смею осуждать. Участие североамериканского экспедиционного корпуса в Войне Красной и Белой розы уже поставило их на грань конфликта с Европой.

— Как только вы подпишете указы, корабль, на котором эти люди в настоящий момент... прозябают, будет выпущен из Марселя и направится в Петроград. Пароход мудрецов, — усмехнулся Александр Александрович.

— В наших традициях привлекать на службу России лучшие умы Европы, хотя и своими отнюдь не бедны, ими надо рачительно распоряжаться, — Алексей Николаевич извлек из кармана пакет, который ему презентовали в одной из лабораторий. Внутри обнаружилась модель самолета. — Мне объясняли... как тут устроить?

— Вот, — Малиновский потянулся и перевел рычажок. Сквозь решетчатый корпус модели было видно, как внутри перевернулась крошечная капсула, заполненная чем-то блестящим, модель шевельнулась, и самолетик взмыл над столом, повиснув над ним, будто на невидимых ниточках. — Минус-материя, которая отталкивается веществом, составляющим Солнечную систему.

Государь, замороженный, точно ребенок, провел вокруг повисшей в воздухе модели рукой, удостоверившись, что здесь нет никакого фокуса.

— Капсула с таким веществом установлена в корпусе «Цесаревича», — сказал Малиновский. — Это обеспечивает экономичность расхода топлива и рекордную дальность полета.

— Одно это обеспечит нам военное превосходство над любым противником! — воскликнул Алексей Николаевич. — Их энтузиазм... каждого — от ученого до студента... Как они говорят? Понедельник начинается в воскресенье?

— Завтра начинается сегодня, — улыбнулся Малиновский. Государь, как никогда, походил на мальчишку, получившего в подарок долгожданную игрушку. — Поэтому они почти и не спят. Дело не только в изобретениях, Алексей Николаевич. Главное, я хотел вам показать новую систему организации труда, которую удалось создать в Научносорборске на основе идей Пролеткульта и тектологии.

— Признаться, я удивился, когда увидел спящих в самых неподходящих местах и в неподходящее время людей.

— Они практикуют прерывистый сон, — улыбнулся Александр Александрович. — Достаточно с равной периодичностью засыпать всего лишь минут на двадцать, и этим вы освобождаетесь от необходимости регулярного восьмичасового сна.

— И спортивные снаряды у конторок, — Алексея Николаевича особенно поразило вид седовласого профессора в академической ермолке и голого по пояс, играючи тягающего пудовую гирию, тогда как на лабораторном столе по его же указаниям учениками совершался какой-то химический опыт.

— Я не приемлю европейскую модель индустриального развития. Именно в данном вопросе мы категорически разошлись с Лениным. Нем необходимы собственные методы.

Взгляд Государя стал холодным, остранным:

— Вы состояли в партии большевиков, Александр Александрович?

— Более того, входил в ее Центральный комитет, — усмехнулся Малиновский. — Но мы еще до войны идейно размежевались с Лениным. Я занялся тем, что считал более насущным, — разработкой методов формирования новой культуры. Ортодоксальные марксисты, говоря о классовой борьбе, о рождении пролетариата, не замечают главного — возникновение на новом витке истории небывалого синтетического типа сотрудничества, которое порождает особый, коллективистский тип мышления. Пока мы даже не в силах вообразить — во что разовьется подобный тип мышления, можем только угадывать. Например, передачу на расстоянии психической

энергии мысли от одного человека к другому, без необходимости речи, а значит, без утайки, без лжи. Но главное — изменение сознания изменяет и модель объективной реальности, которую это сознание воспринимает! В результате отпадает необходимость социальных революций, которые, несмотря на благие намерения, несут народам хаос и страдания.

— Это не так просто сделать, — покачал головой Государь, взял висящий в воздухе самолетик, прижал его к отделанной сукном крышке стола.

Малиновский горячо продолжал:

— Общественное сознание формируется в соответствии с опытом. В коллективном труде возникает модель производственной связи, которая, в свою очередь, становится основой осмысления связи фактов в опыте. В Научноисследовательском институте мы прежде всего ставим задачу организовать новые модели труда, которые лягут в основу новой науки. Этой «Ахиллесовой» науке предстоит догнать «черепаху» мирового и европейского прогресса и обогнать его вопреки апории Зенона. Если Ленин считает необходимым сформировать пролетариат из вчерашних крестьян, которые в последние годы получили доступ к систематическому образованию, то мы говорим о необходимости поставить за станки не просто грамотных рабочих — вчерашних крестьян, а рабочих — творцов, рабочих — поэтов, рабочих — инженеров. А до той поры все подобные игрушки, изобретения, — Александр Александрович указал на самолетик, — не впрок, штучное производство, которое невозможно воспроизвести на конвейере.

— Я бы назвал вас утопистом, — сказал Алексей Николаевич.

— Я не утопист, я строю будущее в мысли и тем создаю предпосылки для материализации этого будущего.

— Тогда почему вы неоднократно отказывались от предложения занять пост председателя правительства? У вас появилось бы гораздо больше возможностей реализовать идеи тектологии и научных монастырей! Николай Иванович неоднократно отказывал в увеличении финансирования науки, ссылаясь на приоритетность расходов по аграрному сектору и социальным программам. Но встав во главе...

— Еще раз вынужден отказаться, Алексей Николаевич, — сказал Малиновский.

Государь нахмурился, щелкнул рычажком, который опрокинул крошечную капсулу внутри модельки, и самолетик опустился на стол, больше не делая попыток взмыть в воздух.

Покушение на миражи

25 октября 1929 года, 18:00

Известие о вотуме недоверия Государственной думой VII созыва правительству и внесенном на подпись Государя высочайшего указа об отставке ныне действующего премьер-министра Н. И. Бухарина пришло в разгар наиболее ожесточенных споров по проекту манифеста, который предполагалось дать в ближайший номер «Правды».

В тесной, прокуренной комнатке редакции, где их осталось четверо — сам Владимир Ильич, Сталин, до сих пор щеголявший в полувоенном френче и высоких хромовых сапогах, Каменев и Зиновьев, одетые с иголки, точно явились сюда с думской конференции, — было жарко не столько от сперттого воздуха, сколько от разгоряченной вьедливости участников, взвешивающих на точнейших политических весах каждое слово, каждую фразу.

«Всякий раз, когда встает тревожный вопрос о судьбах завоеваний Славной Октябрьской революции 1917-го, вернувшей страну в лоно обновленной монархии, взоры обращаются на Европу, где после социалистического переворота чреды славных революций нет и нет. Когда же наш взор обращается внутрь страны, мы видим, что рабочий класс хоть и получил существенные социальные прибавки: восьмичасовой рабочий день, достойную заработную плату, гарантированную систему страхования и отпусков, всеобщую ликвидацию неграмотности, обязательное начальное образование, снятие сословных ограничений на обучение в университетах („Надо ли так подробно перечислять? Не слишком ли много реверансов в адрес Бухарина?“ — спросил Коба, на что Каменев ответил: „Надо, ибо в этом заслуга не только и не столько правительства“), тем не менее мы видим — нэп превратился в новое орудие эксплуатации пролетариата! Нам неоднократно говорили: новая экономическая политика необходима для того, чтобы пройти от сохи до трактора наиболее мягким и безболезненным путем. Однако механизация сельского хозяйства осуществляется не через расширение производства аграрных машин отечественной промышленностью, а, наоборот, за счет их все более массовых закупок у добрых „Кейзов“ за морем-океаном. Очевидно, что подобная „новая экономическая политика“ ставит жирный крест на развитии передовой российской индустрии».

— А главное — на расширении самого передового класса — класса индустриальных рабочих, — постукал Коба по исписанным листкам манифеста.

И тут зазвонил телефон. Сталин взял трубку, выслушал, достал из кармана галифе портсигар и принялся разминать любимые «Герцоговина Флор».

— Правительству вынесен вотум недоверия. Скоро будет подписан указ об отставке Бухарина.

Владимир Ильич поднялся со стула, выпрямился, глубже засунув руки в карманы брюк. Зиновьев и Каменев переглянулись. Началось!

— Ничего не готово, — торопливо сказал Каменев. — Мы не готовы... не рассчитывали...

— Так мы будем брать власть или нет? — В словах Кобы внезапно прорезался резкий акцент, что выдало его волнение. — Есть партия, готовая взять на себя ответственность?

— Есть такая партия! — Ленин сгреб гранки мертворожденного манифеста, скомкал и бросил в ведро. — Коба, перешлите статью «Шаг назад, два шага вперед» в типографию для немедленного набора и публикации. Больше спорить не имеет смысла. Время манифестов прошло. Промедление смерти подобно.

— Я... я против! — Зиновьев сухо кашлянул. — Это может оказаться провокацией! Ничего точно не известно... — но его слова прервала хлопнувшая дверь, и в комнату шагнул человек в серой шинели. На папаше таял мокрый снег. Он осмотрел присутствующих, рука словно невзначай лежала на кобуре, выцепил взглядом Ленина и глухо сказал:

— Товарищ Ульянов, приказано сопроводить вас.

Ничем не выдав удивления столь оперативной работой людей, от которых теперь зависело многое, но отнюдь не все, иначе не явился бы сюда их посланник, Владимир Ильич накинул пальто, шарф, поискал и подобрал с пола спланировавший с вешалки котелок.

— Товарищ Сталин, позаботьтесь обо всем... остальном, — сказал на прощание, кивнул побледневшим Зиновьеву и Каменеву.

Они так и продолжали стоять, дожидаясь, когда в свою очередь соберется и уйдет в типографию Коба, не удостоив их словечком. Затем Каменев шевельнулся, трясущейся рукой полез в карман, достал листок.

— Как чувствовал... как чувствовал, места всю ночь не находил... Сочинял. Вот посмотри.

Зиновьев принял листок, развернул и прочитал:

— Не только я и Зиновьев... — сбился, но продолжил: — Но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя ношу сформировать правительство в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за считанные месяцы до неминуемого объявления войны со стороны ЕССР, где давно пришел к власти братский наш европейский пролетариат, недопустимый и губительный для партии шаг. Ставить все на карту формирования правительства — значит совершить шаг отчаяния. Наша партия слишком слаба, чтобы допускать подобные промахи, — он завершил читать, поправил очки и сказал: — Звони Горькому, опубликуем в его газете. Сегодня же. Сейчас.

Отсюда до дома на Воскресенской набережной можно легко и удобно проехать на автомобиле. Выйдя из подъезда на пронизывающий ветер с Невы, Владимир Ильич осмотрелся, никакой машины не увидел и решил, что они пройдут весь путь пешком. Однако сопровождающий, жестом показав ждать, вывел из-за дровяного сарая нечто громоздкое, двухколесное, в чем Ильич с некоторым изумлением и беспокоейством признал мотоцикл. Коляски не оказалось, поэтому, опять повинувшись жесту молчаливого офицера, Ленин сел позади и крепко ухватился за его португалею.

Мотор взревел, мотоцикл рванул с места и, заложив крутой вираж, так что пассажир невольно вскрикнул, нырнул под низкий свод прохода, который вел в лабиринт внутренних дворов.

«Диалектическая спираль истории в действии», — невольно и с иронией подумал Владимир Ильич, стараясь скукожиться, втянуть голову в плечи, укрываясь от пронизывающего ветра. В 1917-м было почти так же: в сопровождении офицера связи, приданного ему генералами-заговорщиками, он шел через Петроград к Зимнему дворцу, которому предстояло стать центром большевистского переворота. Их тогда несколько раз останавливали патрули, но у офицера имелся, судя по всему, такой мандат, что бдительные юнкера только каблуками щелкали да честь отдавали.

И вот. Опять. Одно отличие — на этот раз все должно получиться. Потому что на этот раз все будет иначе.

Мотоцикл мчался по бесконечной анфиладе внутренних дворов и двориков, больше похожих на глубокие колодцы, куда не заглядывает солнце и свет скудно сочится из редко и скверно освещенных окон. Иногда машина выныривала из задворков Петрограда на улицу или широкий проспект, но лишь затем, чтобы вновь нырнуть в сумрачный мир задников городской театральной сцены, в скопище ненужных реквизитов и декораций, с помощью которых когда-то творили увлекавшие людей иллюзии.

Затем тьму прорезала яркая вспышка, косой узкий луч скользнул по асфальту рядом с мотоциклом, которому пришлось сбросить скорость, петляя по замысловатой анфиладе дворов-колодцев. Ударил горячая упругая волна, пытаясь опрокинуть его, и Ленин отчаянно цеплялся за водителя, который всеми силами пытался удержать опасно завихлявшую машину. Луч сместился ближе, в воздухе затрещало, и, бросив взгляд вверх, Ильич увидел, как вспыхивают и превращаются в крошечные огни птицы, попавшие под удар светового бича.

Но тут Ленина словно молотом ударили в грудную клетку, он вскрикнул от пронзившей боли и, взмахнув руками, опрокинулся с мотоцикла на землю. Несколько раз перекувырнулся, время замедлилось, и Владимир Ильич успел рассмотреть, прежде чем лишился чувств, как луч резанул по водителю и мотоциклу, превратив их в пылающий факел.

УЗЕЛ III. ИЗ-ПОД ГЛЫБ

Прогрессоры

Из узлов предыдущих, 1908

К тому времени, когда Алексей Толстой опубликовал «Аэлиту», Александр Александрович уже как пятнадцать лет вернулся из путешествия на Марс. Отчет о полете он опубликовал под видом фантастического романа «Красная звезда», а также дописал продолжение — «Инженер Мэнни», первую в мире историческую работу о марсианской цивилизации, написанную землянином по итогам изучения марсианских хроник в одной из крупнейших библиотек Красной планеты.

Все началось в 1908 году, когда он лежал в чужой комнатке и мучительно умирал от предательского выстрела, сожалея единственно о том, что не сможет предупредить товарищей о проникшем в их ряды предателе. Явление у смертного одра инженера Мэнни, с которым Александр Александрович имел весьма непродолжительное и поверхностное знакомство, он воспринял то ли как сон, то ли как предсмертный бред, причем скорее даже второе, ибо Мэнни в одно из своих появлений вдруг расстегнул ворот рубахи и снял лицо — искусно сделанную маску, под которой скрывалась истинная внешность пришельца с Марса. Его глаза были чудовищно громадны, какими никогда не бывают человеческие глаза. Зрачки расширены даже по сравнению с этой неестественной величиной самих глаз, что делало их выражение почти страшным. Верхняя часть головы настолько широка, насколько это неизбежно для помещения таких глаз; напротив, нижняя часть лица, без всяких признаков бороды и усов, сравнительно мала. Все вместе производило впечатление крайней оригинальности, пожалуй, уродства, но не карикатуры.

Мэнни предлагал простой выбор: умереть от заражения крови или отправиться вместе с ним на Марс, дабы на месте ознакомиться с жизнью более развитой цивилизации. Лишь марсиане, как потом понял Малиновский, могут предлагать подобную альтернативу, ибо их этика полагала неотъемлемым правом каждого разумного существа добровольно уйти из жизни. Александр Александрович, естественно, избрал жизнь и межпланетный полет, не подозревая, в какой водоворот событий ввергнет его столь фантастическое предприятие. На борту этеронефа Мэнни подключил умирающего к аппарату и очистил его кровь, чем добился скорейшего излечения Малиновского, а затем, после экскурсии по кораблю, так объяснил цель своего инкогнито на Земле:

— Мою профессию, род занятий на вашем языке можно назвать как сверхорганизация либо прогрессизм, прогрессорство, если угоден подобный неологизм. Суть ее — в мягком направлении развития более отсталой цивилизации до уровня, когда мы сможем открыто с вами сотрудничать. Для того чтобы производимые воздействия являлись максимально эффективными, нам необходимо советоваться с представителями земной цивилизации. И мой выбор пал на вас.

То, что рассказал во время перелета с Земли на Марс Мэнни, в конечном счете оказалось не полной правдой. О весьма важных аспектах марсианской цивилизации и причинах ее глубокого интереса к человечеству Мэнни тогда умолчал, и Малиновский узнал о них гораздо позже от Нэтти, во время пребывания на Марсе ставшей его возлюбленной.

Марсиане оказались вовсе не марсианами, а пришельцами из еще более далекого мира, звезды, рассмотреть которую с Земли невозможно даже в самые мощные

телескопы. Их корабль в длительном полете к какой-то неведомой цели, о которой Нэтти умолчала, потерпел катастрофу и вынужденно сделал остановку в Солнечной системе, а местом временного пребывания звездные странники выбрали Марс, поскольку планета не обладала разумной жизнью, а ее условия оказались близки к условиям родного мира пришельцев. Однако ремонт межзвездного этеронефа требовал столь сложные детали и узлы, которые было невозможно произвести собственными силами. Тогда взор звездных странников обратился к Земле и человечеству. Увы, уровень социального и научного развития людей не позволяли пришельцам прямо попросить о помощи. Можно легко представить, какой взрыв страха, недоверия, злобы вызовет появление на Земле представителей цивилизации, давно достигшей высот коммунизма. Поэтому был выбран окольный, но, как считали звездные странники, единственно возможный способ — выделить единственную страну и передать ей инопланетные научные достижения под видом открытий и изобретений ее собственных ученых и инженеров. Тем самым техническое развитие избранного народа возрастет до уровня, который позволит изготовить все необходимое для починки звездного этеронефа.

К сожалению, к тому времени, когда инженер Мэнни появился у смертного одра Александра Александровича, положение звездных странников усугубилось выходом из строя аппаратов синтеза пищи, что поставило «марсиан» на грань голодного вымирания и подстегнуло их действовать энергичнее и в конечном счете менее скрытно и более грубо. Основой для их пищи, по утверждению Мэнни, могла послужить некая субстанция, добываемая из человеческой крови, ибо ее состав близок к составу крови пришельцев.

Звездные странники колебались в выборе между двумя странами, которые могли стать восприимчивыми инопланетных технологий и, не подозревая об истинной причине своего научного и промышленного процветания, производственной площадкой починки межзвездного этеронефа и источником пропитания пришельцев.

Россия или Европа.

Европа или Россия.

Нэтти

25 октября 1929 года, 18:00—19:00

Малиновский оторвался от записей и посмотрел на мигающую сигнальную лампочку. Впрочем, в ней давно не имелось нужды — он физически ощущал прибытие каждого этеронефа. Будто кровь быстрее бежала по жилам, бурлила от невероятного прилива энергии, и Александр Александрович в очередной раз задавался вопросом, на который не получил ответа ни от Мэнни, ни от Нэтти: что влили в него пришельцы, не только излечившее, но и превратившее его кровь в живительную субстанцию, основу препаратов, которые он вводил Алексею Николаевичу и многим другим людям? Даже Ленину, когда на того совершили покушение, и Надежда чуть ли не на коленях умоляла спасти Ильича во имя старой дружбы, от которой давно ничего не осталось...

Станным было то, что прибытие этеронефа сегодня, да и в ближайшие недели не ожидалось. Груз баллонов с кровью отправился на Марс только вчера. Кто или что это могло быть? Александр Александрович поколебался — беспокоить Мэнни или нет, потом решил сам подняться по витой лесенке, скрытой за раздвижными книжными полками в кабинете. Запасной ход, лишь для экстренных случаев. И когда Малиновский, подгоняемый переполнявшей его энергией, легко одолел

сотню ступенек и шагнул в обширное помещение, на всех схемах Института крови обозначенное как «Ботаническая лаборатория», для чего и предусматривался стеклянный раздвижной купол, смолкло жужжание механизмов, возвращающих полупрозрачные панели в исходное состояние, а в центре покоился этеронеф, похожий на сплюснутое у основания яйцо. Пандус выдвинут, но изнутри никто не появился.

Александр Александрович снял с крюка аварийный светильник, подошел к этеронефу, и луч света выхватил лежащую ничком фигурку. Малиновский бросился к ней, подхватил за плечи, перевернул.

Нэтти!

Он с трудом поднял ее на руки — для миниатюрной женщины Нэтти оказалась невероятно тяжелой, чему Малиновский поразился, подумав, что сегодня первый раз, когда держит пришельца на руках. Он понес ее к грузовому лифту.

— Не успеешь, — ясный голос, никак не соответствующий истерзанному телу.

От неожиданности Малиновский запнулся, крепче прижал Нэтти. Мозг лихорадочно рассчитывал: вниз, к аппаратам по переливанию крови. Несколько минут. Еще минуты — перенастройка на физиологию и дозы пришельцев, благо это просто, так как Мэнни регулярно впрыскивал себе препарат... черт, препарат! Транспорт с кровью ушел на Марс! Свежего забора донорской крови еще не поступило, остался только консервированный НЗ, чья эффективность заведомо ниже.

В лаборатории он уложил Нэтти, расстегнул рукав и обнажил тонкую руку — еще тоньше, чем у Мэнни, даже не верится, что в ней уместаются кость и мышцы. Нашел блестящую штуковину, вживленную в сгиб локтя, куда вставляется игла для переливания крови. И лишь теперь понял: с телом Нэтти происходит нечто дотоле им не виданное, словно из некогда надутого до упругости шарика вышло изрядное количество воздуха, отчего тот одряб, сморщился. Конечно, он помнил ее кожу, упругие мышцы, фигуру, которую так легко принять за мужскую, отчего он и впал в заблуждение во время их первого полета на Марс, принимая Нэтти за хрупко сложенного юношу.

— Нет! Шалишь! — Александр Александрович принялся снимать пиджак и рубашку. Свежая кровь есть, много свежей крови, как раз достаточно, чтобы...

— Они договорились, — опять же неестественно ясно и четко прозвучали слова Нэтти. Губы не шевелились... Мыслеречь. — Решение принято в пользу Европы. Поддержка будет оказана ей. Резидентам дано распоряжение полностью передать радирующие и ракетные технологии ведущим европейским ученым.

«Ты бредишь!» — хотелось выкрикнуть ему, тем сильнее и отчаяннее, что слова Нэтти подтверждали его сомнения в честности игры, которую затеяли звездные пришельцы с человечеством и в которую вовлекли его, соблазнив благородной целью спасения их цивилизации.

— Мы всегда так действовали, — продолжила мыслеречь Нэтти. — Выбирали одну, только одну цивилизацию и передавали ей часть своих знаний, технологий, разыгрывая из себя богов, и помогали ей стать единственной, уничтожив в войнах соперников... Это очень важно для наших систем управления развитием — субъект воздействия должен быть единственным... Но все заканчивалось катастрофами... Всегда заканчивалось гибелью... Атлантида, Му, Гиперборея, Египет... множество иных величайших цивилизаций, о которых не осталось и следа... Нельзя управлять чужой историей... Но мы вновь и вновь пытаемся это делать... У нас появилась надежда, когда земной ученый Маркс открыл законы развития человеческого общества, а ты разработал тектологию...

— Ты бредишь! — прервал ее Александр Александрович. — При чем тут Маркс?! При чем тут тектология?! Ваши знания... они не сопоставимы с нашими! Сейчас, ми-

лая, подожди, подожди, — в цилиндры закачивалась его кровь. Много крови. Голова кружилась, в глазах мельтешили черные пятна, но он не поворачивал рычажок. Еще... еще чуть-чуть...

— Нет никаких знаний, — сказала Нэтти. Или это бред? Теперь его собственный?! Александр Александрович щелкнул рычажком. Аппарат приготовления донорской жидкости загудел. — Мы тысячи лет ничего не можем придумать, ничего не можем изобрести. Все, чем мы располагаем, взято, украдено у вас... у человечества... Как мы взяли у вас технологию социальных революций, чтобы направить вашу историю в нужном... нужном нам... — паузы мыслеречи становились чаще, состояние Нэтти ухудшалось.

Малиновский, шатаясь от кровопотери, вернулся к ней, потянул провод и вставил штуцер в разъем на сгибе локтя Нэтти.

— Все будет хорошо, все будет хорошо... — он притронулся к ее плечу и чуть не вскрикнул от ужаса: плоть окончательно утратила упругость, став желеобразной.

— Как и твоя тектология... Мэнни должен был изучить... понять... но это оказалось сложным... слишком сложным для нас... мы всего лишь хотим... хотим... жить... жить всегда... бессмертия... как ваши боги...

Мыслеречь оборвалась. Будто вырвали провод из передатчика. Огненная игла пронзила грудь Нэтти. Малиновский резко оглянулся. В дверях стоял инженер Мэнни собственной персоной. Нелепый и несуразный в человеческой маске, которую напялил в великой спешке, от чего лицо неестественно перекосилось, пошло складками. В руке Мэнни сжимал нечто похожее на пистолет с чересчур длинным и раздутым стволом.

Губы Мэнни шевельнулись, но ничего членораздельного не сорвалось с его уст. Шипение. Жутковатое, как шипение разъяренной кобры.

Малиновский, сжимавший запястье Нэтти, вдруг ощутил, что дряблая плоть окончательно раскиселивается, оплывает, становится вязкой, стекает между его пальцев. Александр Александрович отскочил от Нэтти, с телом которой происходил чудовищный метаморфоз. Плоть колыхалась, будто нечто пыталось вырваться изнутри, затем вспухла чудовищным волдырем и лопнула, разбросав тучу брызг.

Из ошметок разорванной в клочья оболочки поднялось то, что в ней всегда пряталось.

Звездный пришелец предстал в истинном обличье.

Странная, отвратительная внешность. Треугольный рот с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, огромные пристальные глаза — все это выглядело омерзительным до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба. Чудовище дергалось, стараясь приподняться на щупальцах, шумно дышало и шипело в ответ на шипение, испускаемое Мэнни.

А затем чудовище прыгнуло и обрушилось на инженера.

Дом на набережной

25 октября 1929 года, 18:00

Штаб операции, куда Михаил Николаевич направился после аудиенции у Государя, располагался на Воскресенской набережной, 28, на втором этаже, занимаемом контрразведкой Петроградского военного округа.

Очень удобное место для руководства восстанием, подумал Тухачевский. И тут же себя поправил — смены власти. Ибо на то он и здесь, чтобы не допустить восстания и даже самого мелкого волнения. В свое время Владимир Иванович Верховский даже предлагал засекретить персональный состав Военной комиссии, которой предстояло править страной от имени самодержца. Пусть молодой царь тешится сакральным званием Отца отечества, а настоящими будут другие Отцы, Неизвестные Отцы. Однако столь экстравагантную идею все-таки отставили.

Операция шла по утвержденному плану: спецгруппы брали под контроль почта, телеграф, телефон, радио- и телепередающие станции, вокзалы и аэродромы. Важно обеспечить непрерывность работы всех коммуникаций, связующих Петроград с внешним миром, чтобы гражданская публика ничего не заметила, разве самые наблюдательные могли обратить внимание, что место симпатичных телеграфисток заняли коротко стриженные молодцы с военной выправкой. И если роспуск Думы, смена правительства и реставрация (номинальная) самодержавия, при котором основные рычаги власти будут, конечно же, не у молодого Алексея Николаевича и даже не у возомнивших о себе невесты что большевиках, а у незаметной невооруженным политическим взором Военной комиссии с неопределенным составом и расплывчатым статусом, так вот, если все задуманное пройдет как по нотам, то через короткое время нужда в чрезвычайных мерах исчезнет.

Осторожный стук в дверь, и перед Тухачевским легло донесение. Долгожданное и одно из важнейших. Спецназ под командованием Железняк проник в Таврический дворец. Дума взята под контроль, все руководство партийных фракций и комитетов задержано.

Михаил Николаевич кивнул, положил донесение в основательно разбухшую папку. Достал из портсигара с монограммой «О. Н. Р.» папиросу.

Даже в самые напряженные периоды, узлы времени, когда на узком промежутке часов и минут сходятся сотни и даже тысячи событий, выпадают мгновения абсолютного спокойствия, будто глаз урагана, когда можно позволить себе выпить чаю с лимоном из высокого стакана в серебряном подстаканнике и еще раз взглянуть на то, что делалось, с философской бесстрастностью.

Он встал из-за стола, с наслаждением потянулся, прошел к окну и присел на подоконник, отодвинув одинокий цветочный горшок с засохшим цветком. То ли какой-то тайный знак, то ли напрочь забыли поливать несчастное растение. Страхнул пепел в горшок, не хотелось возвращаться к столу за пепельницей.

Когда это началось лично для него? Можно точно сказать — в 1925 году, когда в составе группы проверяющих от Генерального штаба они выезжали на Дальний Восток. Там, на КВЖД, он волей случая встретился и разговорился со скромным путейским инженером товарищем Устряловым, чьи идеи пали на благотворную почву и в конце концов привели к сегодняшней смене вех. В начале было слово. И слово, по-устряловски, звучало как «самодержавие».

— Методами капиталистического хозяйства, даже в обличье новой экономической политики, в атмосфере коммунистической Европы сильной России не сделать. Необходимо принять «социалистические» меры хозяйственного возрождения. А для этого неизбежен отказ от конституционной монархии и возвращение к самодержавию. Требуется влить в самодержавие новую кровь, сделать его, не побоюсь этого слова, большевистским самодержавием, — говорил Устрялов, когда они сначала сидели у него дома, а затем Тухачевский предложил перебраться в литерный поезд Военной комиссии да еще пригласить на беседу генерал-полковника Верховского.

— И не надо бояться большевизма, — говорил Устрялов, нисколько не смущаясь золотопогонной аудиторией. — Допустим тот невероятный случай, что в октябре

семнадцатого вместо Славной революции в ходе переворота власть получили бы Ленин и его партия, — тут Верховский странно хмыкнул, и лишь позже Тухачевский понял: генерала поразила пронизательность гостя, впрочем, такова Россия — пророки отечества рядятся в неподходящие одежды самых заурядных персонажей, например, инженеров-путейцев, — так вот, рано или поздно большевики всей логикой истории должны были бы продолжить державное развитие страны. Идеал мировой революции годится для космополитичной Европы, для нас любой большевизм в конечном счете обращается в самодержавие.

— Я знаком с экономической программой Ленина, — ответил Устрялову Верховский, чем изрядно озадачил Тухачевского, не подозревавшего в начальнике столь разносторонних интересов. — Он предлагает то, что мы, военные, называем мобилизационной экономикой или даже — экономикой военного коммунизма, если пользоваться марксистскими терминами. В семнадцатом, когда крестьяне отказались продавать хлеб по фиксированным государством ценам и возникла угроза голодных бунтов в Петрограде, царь и правительство все равно не решились изъять хлеб по продразверстке, что и привело к февральской катастрофе. Почему вы считаете, что экономический рывок может получиться у большевиков, если гипотетически допустить вручение им права сформировать правительство и проводить политику ускоренной индустриализации?

— Сегодняшний крестьянин уже не тот, — Устрялов отвечал быстро и уверенно, тем самым показывая и доказывая тщательность проработки своих идей. — Он разбогател, разжирел на «ножницах цен», на нэпе, на сплошной механизации сельского хозяйства, на импортных поставках тракторов и экспорте своей продукции в индустриальную Европу. Его детей возят в школы, их самих обучают грамоте летучие отряды Пролеткульта, их семьи пользуют земские врачи, а жены рожают в восприимных покоях. Нет, такой фермер больше не возьмется за вилы. Как не взялся за ружье европейский буржуа, когда пролетарская революция скovyрнула его с тела истории.

Но как только потом, много позже понял Михаил Николаевич: самое главное в его жизни оказалось сказано не в литерном поезде, а когда он вызвался проводить Устрялова домой. В голове странным рефреном крутились сказанные Верховским слова: «Мы вновь вступили в период российской истории, когда армия и флот, ее единственные союзники, играют самую активную роль в обеспечении политической стабильности. Это повтор эпохи дворцовых переворотов, но, как говорят марксисты, на более высоком витке исторической спирали». Устрялов задержался на пороге дома, внимательно посмотрел на Михаила Николаевича и сказал то, что могло предназначаться только ему — самому молодому генералу российской армии:

— Идет диктатор, Михаил Николаевич, идет, не звеня шпорами, не гремя саблей, идет не с Дона, Кубани или Китая. Он идет «голубиной походкой», «неслышной поступью». Он рождается вне всяких «заговоров», он зреет в сердцах и недрах сознания...

Звонок телефона заставил Михаила Николаевича оторваться от воспоминаний, посмотреть на стол, где теснились аппараты различных форм и цветов, определить тот, что осмелился нарушить тишину, а затем, почти нервно сунув окурочок в горшок, стремительным шагом дойти до источника звонка и сорвать трубку, вжав внезапно всплывшей ладонью в ухо.

Телефон экстренных сообщений.

Значит, где-то и что-то пошло не так, как планировалось. Понимание того, что в операциях подобной скрытости и масштаба всегда что-то идет не так, как планировалось, отнюдь не успокаивало.

— Тухачевский.

— Покушение на объект А. Сопровождающий ликвидирован, сам объект в тяжелом состоянии. Убийцу задержать не удалось.

Вот черт! Черт!

Звонивший продолжал холодным тоном, без тени волнения, будто автомат:

— Использовался ручной гиперболоид повышенной мощности.

— Подождите, — на другом конце провода послушно умолкли. — Везите Ленина... то есть объект А в Институт крови. Институт под нашим контролем?

— Нет. Он не внесен в список первоочередных объектов.

Тухачевский прикусил губу. Еще один громадный прокол. А ведь списки неоднократно выверялись! Институт следовало включить туда как объект стратегического значения! Не секрет, что именно там Алексей Николаевич излечился от гемофилии. Кто контролирует институт, тот контролирует... все! Опять невольно вспомнилось любимое выражение Кобы: «Переворот — это вам не лобию кушать». Не лобию.

— Немедленно группу захвата в институт. Пусть Дзержинский и Сталин дадут самых лучших, — от волнения Тухачевский перешел на открытую речь. — К тому времени, как доставят туда Ленина, институт должен быть нашим. Малиновского арестовать. Он знает, что делать. И он должен сделать, — Михаил Николаевич бросил трубку, не дожидаясь ответа.

Час великого перелома

25 октября 1929 года, 23:00

Никогда не думал, что заключительный акт драмы будет проходить именно так. Диалектика истории горазда на гримасы. И вряд ли молодой человек в полувоенной форме с единственным серебряным Георгием на груди понимает хоть что-нибудь. Прости, брат Саша... Мы пошли другим путем и победили. Неважно, как получить власть, политические последствия этого акта проявятся позже. Архиважно не выпустить власть из рук. Никогда. Хватит! Хватит, господа трусливые оппортунисты, говно нации, тискающие за спиной товарищей подметные письма в паршивых газетенках побитых молю «буревестников революции», хех-де, они не согласны брать власть, которая сама падает им в руки перезрелым плодом. А эта золотая молодежь из Таврического! Унаследовала депутатские места, должности и даже фракции от своих папенок! Считали себя неприкасаемыми, вечными и требовали ответственного правительства. Долго копали яму, в которую сами и попали со своим ответственным правительством. Пришел товарищ Железняк, и нет Думы. Слиняла сраная демократия за какой-то час. Час великого перелома...

— Простите... Алексей Николаевич?

— Я слышал, Владимир Ильич, с вами сегодня приключилась какая-то неурядица? — Государь смотрел ледяными прозрачными глазами.

— Меня... — запнулся, ибо хотелось бросить этому гемофилическому выродку правду, — на меня совершили покушение и убили. Да, дьявол вас всех заберет, убили! — Потому что он архиточно знает, что это была она — смерть. Как тогда, в двадцать втором, когда он умер в первый раз. Загнулся в проклятой коляске, с немим ужасом наблюдая, как из тела утекают последние капли физических, а главное — умственных сил... Если бы не Малиновский. И теперь оказалось, что Александр, близкий враг и заклятый друг, вечный соперник, которого еле-еле удалось отстранить от

партийных дел, подарил ему нечто больше, чем намеревался... Ленин жил, Ленин жив, Ленин живет всех живых!

— Государь, господина Ленина атаквала группа мятежников, — Тухачевский. — Офицер сопровождения погиб, но своей жизнью спас Владимира Ильича.

Государь вновь взял текст Высочайшего указа о назначении В. И. Ленина премьер-министром Временного правительства, чьи сроки и полномочия расширялись чрезвычайно в связи с особым периодом управления страной, когда отзывался Манифест о даровании конституционных свобод, распускалась Государственная Дума и возвращался режим самодержавия. Предстояло подписать еще несколько Высочайших указов, которые превращали Россию в то, чем она являлась при отце — православной самодержавной монархией. Но этот — первый. И самый трудный. Рука не поднималась утвердить его.

Алексей медлил, хотя и видел, как нарастало волнение присутствующих в комнате.

— Кого вы планируете представить на главные посты в правительстве?

— Министр экономики и индустриализации — товарищ Сталин, военный министр — товарищ Троцкий, министр внутренних дел — товарищ Дзержинский, министр народного просвещения — товарищ Луначарский, — быстро сказал Ленин. Четко, со слегка реверберирующей «р», что создавало ложное ощущение, будто он картавит.

Алексей Николаевич кивнул, точнее, мотнул головой, словно в приступе мучительной боли. Товарищи... Вот в чем сила этого невзрачного лысого человека — у него имелись товарищи. Он же, Государь, самодержец, хозяин земли Русской, как записал Папа в опросном листе переписи населения, один. Не считать же товарищами выстроившихся напротив генералов! И ему мучительно захотелось вновь оказаться мальчишкой в могилевской ставке вместе с Папа и вновь выкинуть ту дурацкую шутку, когда напялил одному из генералов на голову половинку арбуза вместо фуражки. Он даже примерился — кого удостоить подобной шалостью? Начало Великой войны вспомнилось не случайно. Именно к ней апеллировали генералы, напоминая о задержке начала мобилизации из-за нерешительности Папа, приведшей к гибели армии генерала Самсонова в болотах Восточной Пруссии. Призыв большевиков во власть являлся новой, а главное — своевременной мобилизацией в преддверии грядущей войны, обещавшей стать еще более кровавой и беспощадной.

Алексей сегодня прикрепил к кителю единственную боевую награду, полученную не за престолонаследование, а за храбрость, проявленную во время посещения 12 октября 1915 года раненых в районе станции Клеван, где они с Папа попали под обстрел вражеской артиллерии, но не покинули лежавших там солдат и офицеров.

Отец, отец... как тебя не хватает! Я помню, по утрам становился с игрушечной винтовкой у входа в салон на пост, при твоём появлении брал на караул, застывал в позе часового, пока ты пил чай, охраняя покой и жизнь Государя. Охранял... да не сохранил... Почему отпустил тебя в Кострому?! Где поджидали мятежники во главе с дьявольским Юровским, положившим жизнь ради того, чтобы стать цареубийцей...

Порой кажется, что Папа тоже страдал гемофилией... гемофилией души — избыточной ранимостью от происходящего в России и неспособностью самостоятельно остановить душевное кровотечение. Ее называли нерешительностью те, кто не знал тебя так, как знал я. На самом деле то была невозможность сделать даже малейшее движение без боли, которую причиняла душевная гематома. Ты искал спасения в Боге... может, впервые я это понял, когда мы молились перед Иверской Богоматерью и ты стоял молча, с серьезным лицом, словно слился с простым народом в единое целое, словно в последний раз ощущал пульс России... А чувствую ли я биение народной жизни? Или мне, хоть и верующему, но привыкшему больше полагаться на науку, технику, экономику, навсегда закрыт небесный источник силы и поддержки?

В последние годы правления отца многократно возросло число канонизируемых святых, будто Папа, в предчувствии близкой гибели, спешил мобилизовать небесную рать святых радетелей земли Русской.

Как возможно в одном народе уживаться столь разным группам людей?! В это верится еще меньше, когда вспоминаешь приезд в Москву накануне Великой войны, переполненные площади и улицы, а они — Папа, Мама, сестры — пешком идут в Кремль, и ему, хоть и смертельно обиженному тем, что приходится передвигаться не собственными ногами, а на руках матроса-опекуна, льстит восторженное внимание толпы, и звонят все церковные колокола Первопрестольной, и тысячеголосым хором льется гимн «Боже, царя храни!».

Понадобилось три года войны и лишений, чтобы народность, православие слиняли, обветшали, а самодержавие пошатнулось и почти рухнуло. Что грозит России, народу, самодержавию, вере теперь, когда на нее вот-вот двинутся объединенные полчища «просвещенной» Европы?! И неужто нет иного лекарства, нежели передать часть власти этому лысому человеку, который в канун трагического августа 1914-го заявил, будто для революции война в России была бы лучшим благом, но ему не верится, что Франц Иосиф и Вильгельм окажут большевикам такую услугу.

Оказали.

Ленину не откажешь в прозорливости — чуть-чуть, и он бы вырвал власть из рук февралистских мятежников. И не только у него, Государя, имеются личные счета к большевикам, таковые есть у стоящего перед ним человека, ибо самодержавие повесило его старшего брата Александра Ульянова! И может, всю жизнь этим человеком двигали не идейные устремления, но жажда мести, лишь прикрытая ризами Марксова учения? И если так, не вручает ли он, косвенный соучастник семейной трагедии, этому человеку власть и возможность довести историю своей мести до последней точки?!

Горькое лекарство или яд? Смерть или выздоровление?! Что они такое?!

Наблюдая за нарочито медленным движением руки Алексея Николаевича, выводящего под высочайшим указом подпись, Михаил Николаевич облегченно вздохнул. Теперь-то все и начинается. Очень большая игра, которую затеял и намерен довести до победного финала он, и только он. Как пророчествовал Устрялов? Про диктатора? Пророчествовал, не ведая, что укреплял Михаила Николаевича в решимости взять. Власть, которую не наследуют, не получают, а берут, а точнее, вырывают из рук, как только и происходит в веке двадцатом. Алексей слаб здоровьем, а теперь, когда Институт крови находится под личным контролем Михаила Николаевича, всякое может случиться. Как уже случилось с несчастным Малиновским, решившим поставить над собой опасный научный эксперимент, никого об этом не предупредив. И тогда на престол придется взойти Ольге Николаевне, продолжая традиции великих российских императриц, а рядом с ней будет находиться он — самый молодой, блестящий генерал Михаил Николаевич Тухачевский. Который железной рукой и штыками верной гвардии сметет прочь этих бандитов большевиков, а заодно и старперов Генерального штаба. Он останется один, как и полагается истинному диктатору. Верховный правитель всяя Руси!

В последний момент рука Государя чуть дрогнула, оставив на плотной гербовой бумаге капельку чернил, похожую на почерневшую кровь. Алексей Николаевич отложил оранжевый «Паркер», поднялся, увидел, как к нему двинулся Ленин, протягивая руку, дабы принять папку с указом, но Государь оставил ее лежать на столе, а сам подошел к окну и встал спиной ко всем.

Близилась полночь.

ЭПИЛОГ. ГИПЕРБОЛОИД РЕВОЛЮЦИИ

Малиновский. Значит, твоих рук дело?

Богданов. Если имеешь в виду бунт тектотона, уничтожение радирующего центра в Пенемюнде, покушение на Ленина, то — да. Моих.

М. Зачем?!

Б. Чтобы изменить будущее.

М. Я, наверное, сошел с ума... или это предсмертные видения... Словно смотрюсь в зеркало.

Б. Ты — в какой-то степени я, я — в какой-то степени ты. Помнишь, древние греки делили время на хронос и кайрос? Так вот, ты — это я в потоке хроноса. А я — это ты в потоке кайроса.

М. Путешествие во времени? Как у Герберта Уэллса?

Б. Да, позаимствовал идею. И даже форму кайронефа сделал похожей на мотоцикл. Так удобнее передвигаться и в кайросе, и в пространстве. Но путешествовать в потоке времени можно лишь от одной узловой точки к другой. Это сгущения событий, критических для будущего. И здесь проблема. Изменяя события узла, можно изменить последующий ход истории, но в сгустке ее нервических волокон приходится оперировать не скальпелем, а ножом, ибо нет времени на тщательную подготовку.

М. Убивать?

Б. В том числе. Или уничтожать. Прижигать опасные язвы, грозящие погубить существо человеческой истории. Я сжег целый город на Балтийском побережье Германии, тем самым оттянув начало мировой атомной пролетарской революции, а может — и вовсе уничтожив данную ветвь истории. Я перенаправил психопоток от выжившего из ума отставного кайзера на экипаж тектотона, покушением на Государя подтолкнув отставку правительства Бухарина, ради изменения вектора развития России. Я убил Ленина, чтобы премьером назначили тебя.

М. Это невозможно! Я бы все равно отказался! Алексей Николаевич неоднократно предлагал мне пост...

Б. В этом вся беда. Ты... то есть я... мы всегда уступали Ленину. Отказывались от борьбы с ним. Сразу и безоговорочно признали его лидером — сначала партии, потом — революции, а теперь вот и страны... Увы, я могу менять события, но не получается изменить самого себя...

М. Но Мэнни...

Б. Разве ты не понял?

М. Что?

Б. Нет никаких марсиан! И звездных пришельцев нет. Впрочем, я преувеличиваю собственную прозорливость...

М. Постой... о чем ты говоришь?! Я ведь видел... летал...

Б. Да, конечно. В твоём варианте кайроса — они звездные пришельцы, которые тайно направляют развитие человечества ради того, чтобы заимствовать его научные идеи, а заодно пить нашу кровь, обеспечивая себе бессмертие. Но я видел другие варианты, где место тайных правителей или, если угодно, гегельянство, — мирового духа занимала древняя раса рептилий, которая скрывается под землей, где в огромных полостях выстроены колоссальные города. Иногда это адепты чудовищных культов давно забытых богов, а иногда и сами боги, что поднялись из пучин океана, дабы вернуть себе власть над людьми... Как думаешь, какой из этих вариантов — истинный?

М. Хочешь сказать — никакой?

Б. Если в кровь проникают вредоносные микротела, их атакуют белые тельца. Если кто-то проникает в поток кайроса, время порождает феномены, компенсируя вносимые чужеродным агентом изменения в предопределенность событий.

М. Ты должен прекратить это! Ты понимаешь, чем грозит подобное вмешательство?

Б. Да, понимаю... Заражением крови человеческой истории... но будущее, каким я его видел... вижу... оно ужаснее! Еще одна мировая война, гораздо более жестокая и кровавая, которая уничтожит человеческую цивилизацию... Понимаешь? И все, что могу, — гиперболоидом выжечь в узлах кайроса события, которые ведут к фатальному концу истории. Да, действую грубо, наобум, не понимая механики кайроса, но остановиться не в праве... Пстой! Что ты делаешь?!

М. Инъекцию яда. Не станет меня, перестанешь существовать и ты. Ты так и не понял, что своими действиями вызываешь столь пугающий тебя конец цивилизации... Ты... то есть я — сошел с ума... надо все исправить... все... Ты — яд, а не панацея...

Комментарий: На этом звукозапись обрывается. Экспертиза подтверждает первоначальный вывод: диалог ведут не два человека, а один. Таким образом, имеется весомое доказательство шизофренического расщепления сознания А. А. Малиновского, произошедшее, вполне возможно, в результате его необдуманных опытов с переливанием крови ради продления собственной жизни. Содержание записи следует трактовать как предсмертный бред, но возможно, что имеется некое рациональное зерно. Исходя из этого, рекомендуется еще раз тщательно проверить возможность прямого или косвенного участия А. А. Малиновского в деле покушения на председателя правительства РСФСР В. И. Ленина.